
Изяслав КОТЛЯРОВ

* * *

Нет выбора: скажи или скажись.
Потом поймут, когда само поймется.
От жизни остается только жизнь.
От смерти ничего не остается.
Любая явь еще не наяву,
но каждый день — живое проявление...
Не в смерть свою, а в жизнь свою живу
и в каждое свое стихотворенье.
А истина, сокрытая, ни в чем,
лишь потому ни в чем и не заметна,
что ею ты уже изобличен,
ведь правда и абстрактная конкретна.
Я не кому-то это, а себе
и о себе сказал для назиданья,
что если нету истины в судьбе,
тогда и в смерти нету покаянья.

* * *

Живешь во благо иль во вред —
нейтральных не было и нет...
Смотри, как солнце пышет,
хоть кажется, что дышит.
А ты рассматриваешь тьму,
уже досадную уму,
да, мысленную все же,
коль стала светом тоже.

Изяслав Григорьевич Котляров родился в 1938 году в г. Чаусы Могилевской области. Окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета. Работал в газете летчиков гражданской авиации «Западная трасса», в светлогорской районной газете. Был директором Светлогорской картинной галереи «Традиция» имени Германа Прянишникова. Состоял в Союзе писателей СССР, а теперь — в Союзе писателей Беларуси и Союзе российских писателей. Автор более тридцати поэтических книг. Стихи публиковались в журналах «Знамя», «Юность», «Смена», «Студенческий меридиан», «Нева», «Аврора», «Форум», «Новый журнал» (Нью-Йорк), «Неман», «Немига литературная» (Минск), в альманахах «Поэзия» (Москва), «День поэзии» (Москва), «Встречи» (Филадельфия), «Поэтический Олимп» (Москва), «Дзень паэзіі» (Минск), в «Литературной газете», «Литературной России» и других изданиях. Живет в г. Светлогорске.

Темно — и яркостью темно,
а ждать нежданного смешно.
Твой день давно без года.
Невежество — свобода
иль все же рабство? Вот вопрос
из ожидаемых угроз.
А время замерло и ждет,
что солнце истину сожжет.

* * *

В этом вечере не было дня,
в дне, наверное, не было утра.
Время все же мудрее меня, —
наконец-то я думаю мудро.
Улыбнулся себе, дураку.
Я-то знаю, как мудрствовать ложно.
Сколько раз на безбожном веку
я уже ошибался тревожно.
Да, опаздывал как-то умом,
а потом находил варианты,
а потом, а потом, а потом
проклинал и себя, и утраты.
Соразмерности жизненной нет.
В ночь из вечера спрятаться, что ли?
Скоро звездный покажется свет
так, что взгляд содрогнется от боли.

* * *

Все же врут, что время лечит,
врут, наверное, для молвы.
Говорить плохое легче,
а хорошее — увы...
В этом трусость или смелость —
сам уже не отличу.
Все, что очень мне хотелось,
нынче очень не хочу.
Отгремело, отсверкало,
ливнем смыло, что могло.
И у эха вдруг не стало,
вдруг не стало ничего.
Может, время разлюбило —
и безвременно продлен?
Я и в том, что мною было,
безвозвратно растворен.

* * *

Не лги, земная скорбная обитель,
едины мы, пришедшие сюда.
Умрет и самый долгий долгожитель, —
умрет, как все, как все, и навсегда.
Словами утешений лгать не стану,
да, ни себе уже и никому,
но так легко довериться обману,
а может, лишь инстинкту своему...
Не смею я, а вы, однако, смейте
поверить сути, что душе видна:
коль жизнь сама и впрямь дана для смерти,
то не для жизни ль нам и смерть дана?
Могилою лишь тело успокоят,
и праху — прах, и праху — только прах.
А душу, душу все же не зарюют —
и будет жить в немислимых веках.

* * *

Для себя и для кого-то.
Для кого? Откуда знать?
Жизнерадостное что-то
мне хотелось написать.
Да, о том, как солнце в мысли
просияло невзначай,
как ласкающие выси
обнимают милый край.
Как мерцающий вдруг ветер
дышит радостью в окно
и как вечно жить на свете
не мешает мне ничто.
Что душа не стала мраком
иль ее покинул мрак...
И заплакал я, заплакал
оттого, что все не так...